

Sven Spieker (Ed.), *Gogol: Exploring Absence. Negativity In 19th Century Russian Literature*, Bloomington, Indiana, 1999, 216 P.

Название сборника, изданного под редакцией Свена Шпикера, *Gogol: Exploring Absence*, буквально стоило бы переводить как *Гоголь: феномен отсутствия*. Однако буквальный перевод редко бывает верным. И «отсутствие» и «absence» неточно описывают ту категорию, исследованию которой посвящена рассматриваемая книга, – категорию «отрицания» (“negation”). (Правда, в предисловии Шпикер оговаривает различия в употреблении таких понятий, как «отрицание» (“negation”) и «отрицательность» (“negativity”), но неуклюжесть последнего термина в русском переводе настолько очевидна, что я буду пользоваться понятием «отрицание» для передачи обоих смыслов). Следует вполне согласиться с С. Шпикером, когда он говорит, что существование такой категории в художественном мире Гоголя всегда воспринималось как само собой разумеющееся, и потому эта категория сравнительно мало привлекала внимание гоголеведов.

Книга состоит из трех частей: *Не/Высказанное (The Un/Sayable)*, *Пустота/Изобилие (Emptiness/Plenitude)* и *Невыразимое (Unexpressing)*. В первой части внимание исследователей сосредоточено на художественных приемах и средствах, применяемых Гоголем при описании пустоты. Во второй части рассматриваются пустота и изобилие как символы «отрицательности» (“negativity”) и «положительности» или «позитивности» (“positivity”) и их взаимодействие в гоголевском описании России. Этот тезис, высказанный на с. 12, сразу же вызывает возражения. Отсутствие, пустота – это, бесспорно, отрицательный фактор для Гоголя, но обратное не всегда верно: изобилие далеко не всегда положительно окрашено (вспомним хотя бы стол Собакевича, ломившийся от яств, или Плюшкина). Третья часть посвящена молчанию – отсутствию артикуляции, отсутствию описаний – как сознательным гоголевским стратегиям в описании отсутствия. Посмотрим, каким образом авторы сборника справляются с поставленной трудной и исключительно интересной задачей.

В своей статье «Семантическая конструкция пустоты» Р.Лахманн исследует три аспекта поэтики «отрицательности», такие, как семантика фантома / иллюзии, Гоголь и меланхолия и элементы натюрморта в изобразительности Гоголя. Писатель постоянно обращается к мотиву отрицания, что выражается и в описании пустого места (*Нос*), и в описании Петербурга как пустыни (*Шинель*), и в противопоставлении историй Пискарева и Пирогова, где трагическое нивелируется комическим: результат – ноль, пустота (*Невский проспект*). Апофеоз гоголевского отрицания – финал *Записок сумасшедшего* («ничего, ничего, молчание»).

«Гоголь был лжецом», - писал Ю.М. Лотман в одной из своих последних работ «Правда как ложь». Желание скрыть правду (истинное положение вещей), выдать себя за другого и другого за себя определяло не только творческую стратегию, но и бытовое поведение писателя. Истина – это божественный закон жизни, который никогда не реализуется, т.к. жизнь –

это то, что должно происходить, но не происходит. Под вопросом сама реальность. Положение писателя исключительно шатко, ибо даже он не всегда способен различить добро и зло. Именно эта двойственность и побуждает Гоголя обратиться к проповеди. Для Лотмана очевидно, что целью писателя всегда был не только и не столько литературный успех, сколько изменение, перемены в самой жизни.

Статья М. Эпштейна «Ирония стиля: демонический элемент в гоголевской концепции России» посвящена анализу той иронии, которая существует в тексте помимо авторской воли. Цель автора статьи – описание гоголевской России. В результате сопоставительного анализа художественных текстов Гоголя (*Мертвых душ* и ряда повестей – *Портрета*, *Вия*, *Страшной мести* и др.) исследователь выделяет ряд мотивов, связанных с образом России. Это мотив пристального взгляда, мотив окаменения, мотив призрачного света, мотивы звона и рыданий, мотив быстрой езды и т.д. Все эти мотивы демонически окрашены в творчестве Гоголя. Гоголя выдает язык: стиль сводит на нет эффект проповеди.

К. Патни в статье, посвященной *Ивану Федоровичу Шпоньке и его тетушке*, исследует этот в самом деле псевдо-реалистический текст сквозь призму демонической тематики. (Некоторое удивление вызывает пафос, с которым автор статьи утверждает, что перед нами не реалистический текст: неужели есть необходимость убеждать кого-либо в том, что Гоголь никогда не был реалистом?). Шпонька – не вполне взрослый человек; он – символ недостатка, определяемой в теологии как природное зло. Характеристики героя даны через отрицания. Кстати, в этом Шпонька не уникален: описания Чичикова тоже дано через отрицание («не слишком толст» – «не слишком тонок» и т.п.). Перемена места, предписанного самой жизнью, как правило, приводит гоголевских героев к катастрофе. Перемена места для Шпоньки – отставка и знакомство с сестрой Сторченко. Отличие *Ивана Федоровича Шпоньки и его тетушки* от других повестей Диканьского цикла в способе описания дьявола. Здесь нет дьявола либо его агентов и потенциальной жертвы. К началу рассказа дьявол уже победил, и в этом близость рассматриваемой повести к повестям *Петербургского цикла*, в которых зло повсеместно.

При всей стройности концепции здесь многое вызывает возражения. Отождествление Шпоньки с дьяволом, при всей обыкновенности, усредненности этого гоголевского героя все же довольно искусственно (тогда уж и Подколесин дьявол, и Хлестаков, и, разумеется, Чичиков). Спорным представляется и тезис о зле как онтологической характеристике Петербурга. Образ столицы у Гоголя сложнее, он как минимум двойственен: Петербург как воплощение честолюбивых мечтаний (в частности, самого Гоголя) и Петербург как неестественный, неправильный город.

В следующей статье уже намечен переход к позитивному (С. Франк, *От негативного к позитивному: Размышления о божественной литургии*). Подразделяя гоголевские тексты на художественные и мета-тексты (эссе в *Арабесках*, *Выбранные места из переписки с друзьями*), исследовательница отмечает, что последние служат комментариями к первым и усиливают эффект возвышенности. В этом смысле *Размышления о божественной литургии* – это тоже комментарий, однако не к гоголевским

текстам, а к православному богослужению. Для Гоголя уникальность литургии состояла в том, что в процессе чтения священного текста Бог перестает быть невидимым. Цель *Размышлений* как комментария – подчеркнуть способы, риторические приемы, при помощи которых незримое становится зримым.

Вторая часть открывается статьей М. Вайскопфа «Имперская мифология и негативный пейзаж в Мертвых душах», посвященной структурным принципам описания русского пейзажа в гоголевской поэме. В основе описаний природы лежит представление о России как о пустыне. Когда к этой идее присоединяется православная составляющая и элементы «официальной народности», возникает представление о варварском, «доисторическом» состоянии России. Выход Гоголь находит в согласии с националистической точкой зрения: пустота приобретает статус вместительца будущих подвигов и свершений (не вполне понятно, кого именно М. Вайскопф имеет в виду под националистами – государственных идеологов или славянофилов). Результатом стала «бюрократическая утопия» *Выбранных мест* и «аграрная идиллия» второго тома *Мертвых душ*, где когда-то бескрайняя Россия съезживается до рамок живописного пейзажа. Здесь, на мой взгляд, направляется параллель с финалом *Портрета*, где портрет ростовщика превращается в «какой-то незначительный пейзаж», – квази-реалистический финал фантастической истории.

Название статьи Б. Гаспарова «Отчуждение и отрицание: отношение Гоголя к Украине» отсылает нас к чрезвычайно популярной сейчас теме: какой стране принадлежит Гоголь – Украине или России. Автор, на мой взгляд, совершенно справедливо отмечает, что не смотря на самую тесную связь писателя со своей родиной, даже самая «украинская» его вещь – *Вечера на хуторе близ Диканьки* – является фактом русской литературы, т.к. написана по-русски и для русского читателя. Интересно и то обстоятельство, что как бы красочно Гоголь не описывал свою любовь к Украине, с 1828 г. он там практически не появляется. Своей второй родиной писатель считал Италию. Гоголь верил, что наделен особой миссией в мире, и до тех пор, пока его миссия не выполнена, он остается чуждым любой стране, где бы он ни находился, сохраняя при этом в душе облик своей идеальной родины – Украины-Италии.

Статья М. Холквиста «Тирания различий: Гоголь и божественное» посвящена проблеме ностальгии (homesickness). Одно из ярких воплощений этой ностальгии по целостности, единству священного (божественного) – финал истории двух Иванов; особое значение исследователь придает пустой церкви, в которой остаются противники: опустевшая церковь – символ гоголевского отчаяния. Фигура Гоголя – предостережение о том, что опасно настаивать на самых возвышенных целях, так как результат – отсутствие почвы под ногами.

Б. Гройс в статье «Кто убил Мертвые души?» по-новому рассматривает, казалось бы, давно известный в литературоведении сюжет – взаимоотношения Гоголя и Пушкина. Как известно, Гоголь рассказывал о том, что сюжет поэмы был подарен ему Пушкиным. Ученый обращает внимание на такие гоголевские характеристики Пушкина, как вездесущность, способность принимать самые разные облики и делает из этого вывод, что

Пушкин и есть первая «мертвая душа». *Мертвые души* описывают Россию, которую умертвила пушкинская поэзия. А *Выбранные места* – это коллективная поэма, которая завершает начатый в пушкинской поэзии обмен русской души на текст.

Третья часть открывается статьей С. Гончарова «Метафизика тишины в Вечерах на хуторе близ Диканьки». В *Ганце Кюхельшартене*, *Сорочинской ярмарке* и *Майской ночи, или утопленнице* метафизические сущности предстают в материальной форме и потому подлежат уничтожению. Вертикальная ось, соединяющая небо и землю, заменяется горизонтальной, уравнивающей небо и мирскую чепуху. В результате возникает типично гоголевский мир, наполненный пустотой, гротескным «ничем». Отсюда и меланхолию рассказчика в *Вечерах* и в *Миргороде*.

Статья С. Шпикера «Эстетика (esthesis) и анестезия (anesthesia): возвышенное (the sublime) в Арабесках» посвящена проблеме красоты в гоголевском художественном (и не только художественном) творчестве. Ученый исследует роль тишины в эссе Гоголя, посвященных архитектуре и искусству. Великие произведения зодчества (например, готический собор) буквально парализуют зрителя, и только в этом состоянии он способен постичь невыразимую идею творца, «присутствие создателя в созданыи». Шпикер также доказывает, что гоголевское «постижение через слепоту» восходит к кантианской философии возвышенного.

Статья Н. Друбек-Майер «Гоголевское отрицание чувственного восприятия и памяти в Вие» тоже исследует проблему возвышенного, хотя и в другом ключе. По мнению исследовательницы, *Вий* знаменует собой отказ Гоголя от гротескной образности. Чудовища в *Вие* описаны как отражение чрезвычайно болезненных впечатлений, возникших в результате чувственного восприятия. Поскольку отражение подобных впечатлений в художественной прозе приводит к умножению ужасного, Гоголь в итоге отказывается от художественного творчества и создает *Выбранные места из переписки с друзьями*, где гротескная эстетика окончательно исчезает.

Сборник завершается статьей М. Ямпольского «Двойное бытие: смех и возвышенное», посвященной некогда чрезвычайно популярной теме – «смех Гоголя». Автор выделяет два вида смеха у Гоголя: высокий и низкий. Низкий смех влечет за собой низкое подражание (мимесис), механические телодвижения; высокий смех сдерживает движение, направляя его внутрь. Заставляя читателя смеяться, Гоголь сохраняет нейтралитет: подобно клоуну, писатель не поддается мимесису.

Книга *Гоголь: феномен отрицания* оставляет сложное впечатление. Профессиональный уровень статей и оригинальность концепций совершенно очевидны. С некоторыми тезисами и идеями можно не соглашаться, но ведь это вопрос индивидуального восприятия художественных текстов, подхода, установок, и т.п. Можно с уверенностью констатировать, что сборник состоялся. С не меньшей уверенностью можно, на мой взгляд, констатировать и то, что не состоялась монография. Видимо, для создания монографии (пусть коллективной) не достаточно общей идеи; необходима и общность методологии, быть может, более репрезентативный отбор текстов-источников – большее единство не только структуры, но и содержания. Тематика – «отрицание», «отсутствие» – вполне по-гоголевски сыграла с

составителем злую шутку и привела к отсутствию единого стержня: книга распадается на отдельные статьи. Ее научной ценности это нисколько не умаляет.

Екатерина Самородницкая (Москва, РГГУ)